

Г.Р. Державин

Собрание сочинений

В 10-ти томах

Стихотворения

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)51
Д36

Общественный совет собрания сочинений Г.Р. Державина:

Замостьянов А.А. — выпускающий редактор

Бубыренко О.А.

Коровин А.А.

Шабаева Т.Н.

Державин, Гаврила Романович (1743—1816).
Д36 Собрание сочинений. Т. III: Стихотворения / Г.Р. Державин. — М. : Народное образование, 2019. — 256 с.
ISBN 978-5-521-76484-6 (т. 3)
ISBN 975-5-87953-369-9

В третий том собрания сочинений Гаврилы Романовича Державина (1743—1816) вошли стихотворения, написанные в последние годы жизни поэта. Многие мотивы его тогдашней поэзии связаны с вехами наполеоновских войн. С особой силой проявился гений Державина на закате его лет.

ISBN 978-5-521-76484-6 (т. 3)
ISBN 975-5-87953-369-9

ББК 84(2=411.2)51

© Замостьянов А.А., составитель, 2019
© Народное образование, 2019

ПОЭТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В этом томе собраны стихотворения, написанные отставным министром в годы великого противостояния. За революционными (наполеоновскими) войнами Гаврила Романович следил внимательно и пристрастно как патриот, политик и поэт.

Державин ушёл в отставку действительным тайным советником, то есть штатским генерал-аншефом. Штатских фельдмаршалов — действительных тайных советников первого класса — в истории Российской империи насчитывается всего лишь тринадцать. Но титула он не получил — в отличие от многих царских фаворитов, некоторых полководцев и таких политиков, как Безбородко. Всю жизнь Державин, как акробат, ловил баланс между успешной карьерой и ощущением личной независимости. Министром финансов в их семье была Дарья — рачительная хозяйка, скуповатая, хотя не мелочная. Державин сбросил с плеч долой хозяйственные заботы и с наслаждением изображал легкомысленного мужа, подчиняющегося прихотям практичной супруги. Иногда они напоминали ещё не написанных «Старосветских помещиков». Так, право, удобнее. К тому же Державин — натура артистическая — любил домашние спектакли и, на потеху

визитёрам, изображал то смиренного подкаблучника, то домашнего диктатора.

О праотцев моих и родших прах священный!
Я не принес на гроб вам золота и серебра
И не размножил ваш собою род почтенный;
Винюсь: я жил, сколь мог, для общего добра.

Сегодня эти слова можно увидеть на могиле родителей поэта, в селе Егорьеве. Он обращался, конечно, к себе самому, но называется эта эпитафия «На гробы рода Державиных в Казанской губернии и уезде, в селе Егорьеве». Державин горько сожалел, что в семейном склепе никогда не будет его детей и внуков. И не склонятся они над могилами Державиных и сами не лягут сюда, когда придёт черёд...

В отставку Державин не раз пожалел о том, что Бог не наградил его потомством. Ни от Катерины Яковлевны, ни от Дарьи Алексеевны у него не было детей... Но Державин надеялся, что славная фамилия его сохранится! Выбор Державина пал на младшего племянника, Александра Николаевича Львова. Отставной министр предложил взаимовыгодный план: Александр Львов становится Львовым-Державиным, а после смерти Гаврилы Романовича и Дарьи Алексеевны получает в наследство все имения, все сокровища, накопленные знатным поэтом. Но Львов проявил то ли строптивость, то ли робость. «Я недостойн. Не такие нужны плечи, чтобы вынести на себе славное имя Державина!» Зная настойчивость Гаврилы Романовича, Львов сбежал (к счастью, не навсегда!) за границу.

В 1810 году Державин и Александр Семёнович Шишков решили создать официальное литературное общество, в котором соблюдался бы особый устав, у которого возник бы печатный орган. Задумывался могущественный клуб: его устав, по

замыслу основателей, должен был утверждать сам император. Так появилась «Беседа любителей русского слова» (или «Беседа любителей российской словесности») — с парадного открытия 14 марта 1811-го. Державин широким жестом принял на себя все расходы «Беседы». Он не скупился: одних только книг пожертвовал на 3600 рублей.

«Беседа», в отличие от камерных суббот, предполагала публичные чтения: кроме участников литературного собрания, в дом Державина, по пригласительным билетам, съезжались и благородные гости.

Это была торжественная, даже помпезная институция. Композитор Бортнянский написал для заседаний «Беседы» специальную музыку. Участники и гости являлись в дом Державина в бальных платьях и при орденах. Структура — как в Государственном совете. Председатели разрядов — Шишков, Державин, А. С. Хвостов, Захаров. Действительные члены, члены-сотрудники, почётные члены... В почётные члены, по предложению Гаврилы Романовича, приняли даже Карамзина. Над каждым председателем разряда был поставлен ещё и попечитель — непременно действующий министр: Завадовский, Мордвинов, Разумовский, Дмитриев. Старые друзья и старые враги Державина — все оказались в сборе. Обилие благородных седин ослепляло. Регулярно издавались «Чтения в Беседе любителей русского слова».

В «Беседе» Шишков читал своё «Рассуждение о любви к Отечеству», которое воспринималось в 1811 году как проявление дерзновенного, несанкционированного свыше патриотизма. «Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное», — утверждал Шишков, и Гаврила Романович готов был подписаться под этими словами.

Державин чувствовал себя монументом на главном литературном перекрёстке — пожалуй, он заблуждался, живая

литература рождалась не на пышных заседаниях, но его почитали как патриарха — и это подслащивало дни отставки. Он, да ещё Крылов — вот два столпа «Беседы», которых лихие супостаты — арзамасцы — старались не задевать. О значении Державина для этой академии расскажет один факт: после смерти Гаврилы Романовича заседания «Беседы» не возобновились, несмотря на рост административных возможностей Шишкова.

Сбросив бремя власти, Державин нередко совершал попытки стихами вернуть доверие императора. К простой лести Александр привык, знал ей цену. Громоподобными одами его не растрогать. Екатерину в своё время пленила игривая, остроумная «Фелица». Державин решил поиграть с амурной темой:

Блещет Аттика женами,
Всех Аспазия милей:
Чёрными очей огнями,
Грудью пенною своей.
Удивляючи Афины,
Превосходит всех собой;
Взоры орли, души львины
Жжёт, как солнце, красотой.

Резвятся вокруг утехы,
Улыбается любовь,
Неги, радости и смехи
Плетеницы из цветов
На героев налагают
И влекут сердца к ней в плен;
Мудрецы по ней вздыхают,
И Перикл в неё влюблен.

Прозрачный намёк на открытый роман женатого императора с замужней дамой, Марией Антоновной Нарышкиной. Нарышкиной, пожалуй, могло не понравиться сравнение с древнегреческой гетерой. Но Александр в этой истории предстал в шлеме Перикла — и это не могло ему не польстить.

В отставке Гаврила Романович написал «Мечты о хозяйственном устройстве российской армии», послал их государю. Державин предлагал реформу рекрутской системы, писал о снабжении армии. Но мечты так и остались мечтами. Державин уже в 1806-м не сомневался, что вот-вот полчища Наполеона вторгнутся в пределы России. Двум медведям в одной берлоге не ужиться — как и двум великим армиям на одном тесном континенте.

Чуть позже Державин составил «Мнение о обороне империи на случай покушений Бонапарта». «Меня обещали призвать и выслушать мой план, но после пренебрегли и презрели, как стихотворческую горячую голову. Но теперь, к несчастью, всё, что я говорил, сбывается», — писал Державин В.С. Попову, старому соратнику Потёмкина, когда Наполеон казался владыкой мира. Да, прошли золотые времена!

Нашествие двенадцати языков застало Державина в Званке. Получив царский манифест, составленный Шишковым, который призывал патриотов присоединяться к ополчению, Державин написал очередную записку «о некоторых к обороне служащих мерах». В Новгороде в торжественной обстановке Державин лично отдал записку принцу Ольденбургскому «для доставления его величеству». Сколько надежд связывал он с этой запиской!

Тогда Державин написал четверостишие «На меч Псковского князя Гавриила»:

Се страшный князя меч Псковского Гавриила.
С ним чести никому своей не отдал он.
Да снидет от него на Александра сила,
И с срамом побежит от нас Наполеон.

Он хотел бы поверить в силу Александра, но не получалось. Император окружил себя шалунами, император дал возможность Бонапарту приблизиться к границам России, превратив Германию в тыловой плацдарм Великой армии. К полководческим способностям Александра Державин (да и не он один) относился скептически. Он с наслаждением воспевал бы великих русских воинских вождей, но император всерьёз не выдвинул ни одного русского полководца — надеялся то на Моро, то на Бернадота.

Старый «отставной поэт» стал свидетелем эпопеи 1812 года. С юных лет он привык к бесспорным победам русского оружия. «Не знаю, как при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без соизволения нашего выстрелить не могла», — сказал Безбородко. Ощущение имперского превосходства жило и в Державине. И вдруг — захватчики на русской земле. Наша армия оставляет город за городом. Иноземцы устраивают конюшни в православных храмах. До сих пор не осмыслена трагедия Смоленска. Солдаты Раевского и Дохтурова защищали Смоленск воистину не щадя живота своего. Выполняли приказ Багратиона, который планировал если не разгромить, то остановить Великую армию в Смоленске. Но Барклай — не только командующий Первой армией, но и военный министр — оставался неумолимым: отступать.

Державин получал отрывочные, смутные — и от этого ещё более тревожные сведения. Увы, сбывались худшие предчувствия: новые правители не прислушались к старикам и получили катастрофу, непоправимую катастрофу. Державин умел

предсказывать будущее, особенно если речь шла о политической жизни. Этой способностью он гордился, время от времени подчёркивал свою правоту: как в случае с Суворовым, который, в полном соответствии с прогнозами Державина, повторно возвысился после опалы. Но то был счастливый повод, не то что победы Наполеона.

Багратион был вынужден подчиняться Барклаю как военному министру. Пожалуй, никогда в истории русской армии подчинённый не относился к командующему с таким презрением. «Подлец, мерзавец, тварь Барклай», — так называл военного министра любимый ученик Суворова, которого Державин уже успел заслуженно воспеть.

Столицы содрогались: враг приближается неумолимо. Державин из тихой Званки отдавал распоряжения по эвакуации ценностей из петербургского дома. И конечно, негодовал: «Теперь явно видно, что Барклай нечестный человек и неверный или глупый вождь, что впустил столь далеко врага внутрь России, даёт укрепляться в Могилёве, Витебске, Бабиновичах, в Орше и далее, не действует и не сражается».

Не было для Державина более трагического дня, чем день, когда он узнал, что враг занял Смоленск. Французам показалось, что в воронку Смоленского сражения втянута едва ли не вся русская армия. Вот она, победа Наполеона, вот второй Аустерлиц!

Другой любимец Державина и ученик Суворова — атаман Платов — гневно бросил Барклаю: «Как видите, я в плаще. Мне стыдно носить русский мундир!» Вихорь-атаман совершал невозможное на стенах Измаила, был неустрашим в боях и к ретирадам не привык. Как и все «суворовцы», Матвей Платов Барклая ненавидел. С каким удовольствием он рассёк бы этого шотландца шашкой... Багратион после смоленских событий писал Аракчееву: «Ваш министр, мо-

жет, хорош по министерству, но генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу нашего Отечества...». Почему Наполеон не остался в Смоленске? Почему не создал вокруг Смоленска базу для кампании 1813-го, которую можно было посвятить походам на две столицы Российской империи? Если бы французам удалось сделать Смоленск центром притяжения новых сил и ресурсов — лошадей, фуража, оружия, русские козыри не сыграли бы... Петербург от такой перспективы содрогнулся бы. И скорее всего, партия мира склонила бы императора Александра к компромиссному, проигрышному для России договору с Наполеоном. Конечно, и этот план авантюристичен: императору пришлось бы провести как минимум полтора года за тысячи километров от Парижа. Это противоречило характеру стремительного полководца, да и опасность потерять Европу он не сбрасывал со счетов. Он понимал, что, отдаляясь от западной границы, рискует всё сильнее. В Великой армии уже наблюдался дефицит лошадей, Наполеон уже не мог перебросить к Москве всю свою артиллерию.

Осенью, когда французы орудовали в Белокаменной, Державин всё-таки переехал в Петербург. Почти каждый день он беседовал с Платоном Зубовым — его, фельдмаршала, император привлекал к военным советам. Державин и Зубов сошлись на том, что женская система полезна Отечеству. Только где найдёшь новую мудрую царицу? Была у Державина на примете одна талантливая женщина. Царского рода, между прочим! И имя — царственное, как у великой императрицы. Это сестра императора, Екатерина Павловна. Покровительница русской партии в царской семье. Это Екатерина Павловна, когда её хотели выдать замуж за Наполеона, произнесла горделивое: «Я скорее выйду замуж за последнего русского истопника, чем за этого корсиканца».